

стиля XV в.; религиозно-учительная литература XI—XIII вв. дала представление о приемах психологического анализа, раскрытия внутреннего мира человека в его повседневном поведении. Однако сделанные наблюдения далеко не исчерпывают всего, что могут дать религиозные жанры для характеристики своеобразного художественного метода древнерусской литературы.

В ряду актуальных задач, стоящих перед литературоведами, анализ способов изображения действительности в разнообразных жанрах религиозной литературы должен занять весьма значительное место. Было бы антиисторично считать, что для древнерусского читателя вся эта литература имела лишь узко церковное значение. К ней обращались вовсе не только по связи ее с культом: она помогала разрешать вопросы личной и общественной морали, приучала разбираться в психологии своей и окружающих, вдумываться в побуждения, «помыслы», стоящие за поведением человека, воспитывала художественный вкус. Огромное большинство рукописных «четых» сборников, прямо отражающих интересы их составителей, объединяет светские и религиозные произведения. Впечатления, шедшие от литературы, облеченной в религиозную форму, сознательно или неосознанно отражались в творчестве и тех писателей, которые создавали светскую литературу Древней Руси. Не случайно ведь даже в конце XVII в. «первый русский роман», как называют повесть о Савве Грудцыне, напоминает по схеме «чуда богородицы», то обычное для житий изображение героя «врагом рода человеческого». Самое представление наше о кругозоре древнерусского писателя (и читателя) останется односторонним, если мы не будем учитывать и те идейно-художественные впечатления, какие он получал от жанров, облеченных в религиозную форму.

Многие из этих жанров подходят под определение «поэзии идеального преобразования жизни», которая, по мнению И. П. Еремина, только и представляет «собственно литературу как искусство».³ Мне уже приходилось возражать против некоторой односторонности такой концепции, которая лишает литературу, рисующую жизнь, «какая она есть», ее эстетической ценности.⁴ Добавлю, что «агиографическим стилем», характеризующим литературные произведения, задача которых заключается в изображении «чистого, светлого и прекрасного мира, стоящего высоко над повседневностью», далеко не всегда исчерпываются все художественные средства, применяемые их авторами. В отступлениях от «идеального преобразования», направление и рамки которого сдерживаются традиционным канонem, неизбежно схематичный образ «чистого, светлого и прекрасного» мира вливается правда жизни, а с ней в обобщенном идеальном образе проступают индивидуальные черты, изображение обстановки приобретает конкретный характер. Таким образом, в развитие художественного мастерства древнерусской литературы религиозные жанры следует включить не только как образцы изображения «идеально преобразованного» мира.

Особое значение в истории древнерусской художественной прозы из этих религиозных жанров имели различные виды агиографии. Изучать их литературоведу-медиевисту необходимо, разумеется, не для того, чтобы доказывать «самостоятельную сегодняшнюю художественную ценность произведений житийного жанра»,⁵ а для того, чтобы уяснить, как в зако-

³ И. П. Еремин. О художественной специфике древнерусской литературы. — Русская литература, 1958, № 1, стр. 78.

⁴ В. П. Адрианова-Перетц. Об основах художественного метода древнерусской литературы. — Русская литература, 1958, № 4, стр. 67—68.

⁵ А. Бушмин. О научном и общественном авторитете литературоведения. Русская литература, 1962, № 1, стр. 6.